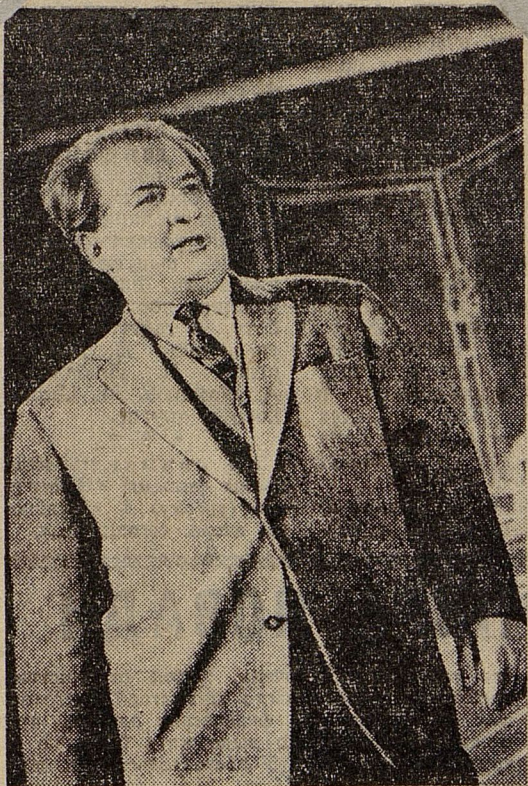

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ РАССКАЗЫВАЕТ...

Мы слышали не раз эти рассказы. В них мы встречались с разными людьми — и с теми, которых лично знали, и с теми, о которых знали лишь понаслышке в силу их известности, и с вовсе неизвестными людьми, которые в интерпретации рассказчика вдруг становились близкими и понятными, благодаря своим неповторимо индивидуальным человеческим качествам. И всякий раз мы невольно удивлялись, как сочетается в одном человеке такое разнообразие выразительных средств — интонационных нюансов, мимических штрихов, движений, жестов; откуда берется в нем такой неисчерпаемый запас фантазии, энергии, юмора, как может он объять такое множество характеров (характеров достоверных, а не вымышленных); в чем, наконец, секрет этого удивительного, почти неправдоподобного перевоплощения?

Ответить на эти вопросы можно было бы просто: секрет — в таланте имитатора. Но существо вопроса этим не исчерпывается, ибо имитация

сама по себе не в состоянии предопределить ту глубину постижения характера человека, без которой немыслима проблема создания художественного образа.

Андроников создает именно художественные образы своих литературных персонажей. И здесь, как в любом хорошем театре, надобна первооснова — мысль писателя, его текст, его умение вылепить характеры, найти не только детали, но и общее, типическое, отчеканить фразу, отобрать нужные слова.

Андроников сочетает в себе писателя и исполнителя. И этот синтез писательского мастерства с мастерством рассказчика, дара исследователя с даром художественной (актерской) выразительности и заразительности создает неповторимую атмосферу «андрониковского спектакля», обеспечивает ему в течение многих лет неизменный успех на эстраде.

Но вот Ираклий Андроников пришел в кино, точнее — на телевизионный экран. И хотя телеэкран отличается от киноэкрана своей особой «приспосо-

бляемостью» к обстановке домашнего, комнатного уюта, это тем не менее экран и фильм со всеми специфическими их особенностями, отличающими любое кино от любого театра с его живым процессом общения со зрителем.

Режиссер фильма А. Кольцатый не хотел лишать своего единственного актера этого привычного для него общения. И он нашел своеобразный выход, предоставив ему небольшую, но все же зрительскую аудиторию. Действие фильма происходит на телестудии. Андроников выступает со своими рассказами перед группой сотрудников студии. И хоть порою слушатели, изображенные в фильме, выглядят несколько натянуто-претенциозно (сказанное относится, разумеется, не к замыслу режиссера, а к возможностям самих исполнителей), тем не менее найденный прием служит своеобразной формой оправдания рассказа, дает рассказчику повод апеллировать к слушателям, а не к мертвому объективу киноаппарата, создает для него необхо-

димую творческую атмосферу.

Но фильм есть фильм, и постановщик (он же оператор) не имел права ограничиваться лишь учетом «законов сцены». Он обязан был искать и чисто кинематографические средства выразительности — наплывы и крупные планы, своеобразный фон для по-

вестования, смену места действия, различные ракурсы и т. д., не выходя при этом за рамки найденного им же самим приема, о котором речь шла выше.

Сочетать этот в общем скользящий оператор прием с широкими возможностями кинематографа было необычайно трудно. Но «компромисс» был найден. Естественной форме общения рассказчика со зрителем постановщик противопоставил подчеркнутую условность фона, на котором протекает рассказ, — рисованные задники, изображающие в нарочито угловатых линиях контуры домов и улиц, коридоры университета и библиотеки, больницы, комнаты и т. д. И это не только не нарушает реальности происходящего в рассказе, но, напротив, своей контрастностью служит оправданием самой формы рассказа, создает удивительную иллюзию достоверности фактов, а главное, гармонизирует с выразительными средствами самого исполнителя.

Кто хорошо знаком с твор-

чеством Ираклия Андроникова, кто всегда следил за неутомимой работой его писательской мысли и был свидетелем его исполнительских взлетов, тот не может не оценить, с какой продуманностью подобран в фильме материал рассказов. Здесь перед зрителем представит действительно лучшее и лучшее — М. Горький, А. Толстой, Ф. Шалапин, В. Качалов, А. Остужев, И. Солертинский, К. Федин, С. Маршак, Вл. Яхонтов, А. Гаук!

Полтора часа длится этот фильм. Полтора часа стоит перед телевизором один человек, владея полностью его вниманием. И никто из зрителей не думает о том, что фильм снимался в течение нескольких месяцев. Кажется, что так вот, за просто пришел на студию писатель и словно на одном дыхании прочел свои умные и остроумные, смешные и трогательные, а главное, всегда необычайно человеческие рассказы о судьбах людей и о своей невольной причастности к этим судьбам. И странное дело: вот кажется тот самый случай, когда процесс творчества запечатлен на пленку и из него уже ничего не выкинешь, ничего к нему не прибавишь. А смотришь фильм второй раз и видишь то, что не заметил при первой встрече. Какие-то новые детали, новые штрихи и нюансы. И это не мираж. Это — лишь подтверждение серьезной работы мастера, работы, которую надо изучать, и которая дает все новую и новую пищу для размышлений. А это ли не главное в искусстве?

Этери ГУГУШВИЛИ.

17 МАЯ 1964

Заря Востока
г. Тбилиси